

значимость. Рулетка становится симулякром судьбы, а героический бунт – психофизиологическим аффектом и социальной стратегией.

Эта диалектика реализуется на всех уровнях текста. В сознании героя-рассказчика Алексея Ивановича происходит непрерывная борьба между романтическим дискурсом самоутверждения и реалистическим голосом самоиронии, что становится двигателем сюжета. Пространство «Рулетенбурга» моделирует мир как симуляцию, где романтическая экзотика превращается в товар, а время дробится на азартные «мгновения». Страсть к игре коренится не в метафизическом бунте, а в конкретных социальных условиях, выступая инструментом реванша для аутсайдера.

Реализм Достоевского предстает как критическое претворение и углубление романтической традиции. Автор сохраняет пафос вечных вопросов, но находит для них новые, трагические и трезвые формы в современном мире. Этот синтез взаимно обогащает обе системы: реализм обретает философскую масштабность, а романтизм – социальную конкретность.

«Игрок» может быть осмыслен как этап формирования особого типа «реализма в высшем смысле», ставшего отличительной чертой зрелого творчества писателя. Роман поднимает фундаментальные вопросы о случае, свободе воли и смысле существования в мире, утратившем трансцендентные опоры. Выявленная модель синтеза открывает перспективы для дальнейшего исследования как творчества Достоевского, так и закономерностей развития русской литературы на переломе эстетических парадигм.

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 4-е изд. – Москва : Советская Россия, 1979. – 318 с.

2. Гроссман, Л. П. Поэтика Достоевского / Л. П. Гроссман. – Москва : Гос. акад. худож. наук, 1925. – 191 с.

3. Достоевский, Ф. М. Игрок : роман / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. – Т. 5 : Повести и рассказы 1862–1866 гг. ; Игрок. – С. 211–376.

СИМВОЛИКА ГРАНАТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Смирнова Е.Н.,

студентка 2 курса ПсковГУ, г. Псков, Российская Федерация

Научный руководитель – Разумовская А.Г., доктор филол. наук, профессор

Ключевые слова: гранат, флорообразность, семантика, русская поэзия XX века, А.А. Ахматова.

В современном литературоведении одним из интенсивно развивающихся направлений является изучение флорообразности. Многие исследователи обращаются к изучению символики растений: К.И. Шарафадина [1], В.С. Полилова [2], А.Г. Разумовская [3; 4] и др. Предметом анализа в литературе становились роза, гвоздика, сирень, лилия, ирис, георгин и другие представители флоры. Изучением флоросемантики занимались в XIX веке

(выдающийся филолог А.Н. Веселовский), в XX веке (например, А.Ф. Белосусов) и особенно в наше время. Например, В.С. Полилова посвятила статью исследованию образа гвоздики в русской литературе [2], А.Г. Разумовская в своих работах раскрыла семантику ириса и георгина [3; 4], цветочные пристрастия поэтов модернизма [5].

Наша работа посвящена символике граната, выявлению его отражений в русской литературе, что важно для понимания картины мира как отдельных авторов, так и русской культуры в целом. Нам известно глубокое исследование коллектива авторов, посвященное образу граната в разных культурах, искусствах и исторических временах. В статье «Мир – это гранат»: межкультурная символика райского плода» представлена семантика граната у восточных народов: с ним связаны жар, страсть, жизненная сила, возрождение [6]. И, хотя в этой работе названы имена русских поэтов, обращавшихся к рецепции граната (М. Матусовский, В. Немирович-Данченко, Б. Чичибабин и др.), мы предлагаем анализ данного флорообраза на примере произведений других авторов.

Материал и методы. Свое происхождение растение ведет из Средней Азии, откуда благодаря жизненным силам и выносливости оно распространилось по землям Востока и Африки.

Согласно мифологическим словарям, гранат на протяжении веков у разных народов имел несколько значений: 1) Плодородие и процветание; 2) Любовь, искушение, страсть; 3) Брак и многодетность; 4) Благополучие; 5) Страсти Христовы и символ воскресения Христа; 6) Солярная семантика. [7, с. 452].

И в литературе гранат является одним из самых семантически насыщенных образов. Многие писатели и поэты обращались к нему, выражая свой взгляд на мир и раскрывая свои чувства. В данной работе мы ограничиваемся только русской поэзией XX века, которая отличается повышенным вниманием к флоре и многозначностью растительных образов. [5, с. 85–90]. В работе используются историко-литературный, культурно-мифологический и сравнительный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. В поэзии модернизма образ граната присутствует для выражения любовной страсти. Одной из близких символизму поэтесс является Мирра Лохвицкая. В ее поэзии встречается обращенность к античным и восточным мифам, культ чувственной, «дионисийской» любви и красоты. Так, в стихотворении «Твои уста – два лепестка граната» (1899) отражены пылкое чувство, но вместе с тем и отчаяние, тоска:

Я жадно выпила когда-то

Их пряный хмель, их крепкий мед. [8]

Героиня сравнивает поцелуй влюбленного с «пряным хмелем», «крепким медом», что означает опьяненность любовью. Стихотворение посвящено Константину Бальмонту, с которым они познакомились в 1897 году, но не могли быть вместе, потому что долг перед семьей для нее был важнее всего.

Другой яркий представитель Серебряного века – эгофутурист Игорь Северянин. В 1910 году им написано стихотворение «Это было у моря», в котором гранат также символизирует страсть героев, выступая в роли запретного плода, которым королева соблазняет пажа. В строке «Королева просила перерезать гранат» разрезание фрукта символизирует искушение. Так Северянин иронически отсылает к истории грехопадения библейских Адама и Евы. Но одновременно с этим гранат символизирует красный цвет мантии королевы, а значит – ее власти:

*И дала половину, и пажу истомила,
И пажу полюбила, вся в мотивах сонат.* [9]

Для пажа это чувство мучительно, потому что он понимает, что любовь между ними невозможна. Для королевы это – очередная игра, каприз, а для него – рискованный и роковой шаг.

В поэзии акмеизма также встречается образ граната, но особое значение ему придает лишь А.А. Ахматова, многие произведения которой были связаны с размышлениями о трагизме поэзии. В годы Великой Отечественной войны она находилась в эвакуации в Ташкенте, поэтому все образы ее цикла «Луна в зените» (1942–1944) отсылают к восточной символической, в числе которой – гранат:

*И в памяти, словно в узорной укладке:
Седая улыбка всезнающих уст,
Могильной чалмы благородные складки
И царственный карлик – гранатовый куст.* [10, с. 350]

Это стихотворение содержит многозначный образ гранатового куста, который является символом вечности, бессмертной памяти, трагических событий XX века и судьбы поэта – свидетеля исторических катастроф.

На стихотворение А.А. Ахматовой откликнулась современная поэтесса Римма Дышаленкова в 2023 году, взяв ахматовскую строку «И царственный карлик – гранатовый куст» в качестве эпиграфа к своему стихотворению «Гранатовый куст Ахматовой» [11]. Наша современница изображает спокойный и мужественный образ Ахматовой, которая пережила трагические события революций, репрессий и войн, оставаясь величественной, как «мраморная колонна», словно превратившись в камень, статую или живописный портрет: «Она – портрет из залов Третьяковки, она – скульптура в мягкой упаковке».

Ахматова воплощает в себе искусство. В эвакуацию она привезла мир Данте, Пушкина и античной культуры, которые вместе с собственным творчеством спасли ее от отчаяния, поэтому слезы страдания отливались в прекрасные, как жемчуг, стихи. В глазах поэтессы XXI века символом поэзии является гранатовый куст, и в этом она следует оригинальной трактовке великой предшественницы, которая первой стала ассоциировать поэзию с кустом, а не с отдельным плодом. Необычность подобной семантики заключается в том, что для современной поэтессы «царственный» гранат ассоциируется с самой А.А. Ахматовой.

Чисто восточный пример поэтического осмысления граната дает писатель советской эпохи, по происхождению абхазец – Фазиль Искандер, произведения которого наполнены национальной мифологией, абхазскими сказками и легендами.

Стихотворение «Гранат – некоронованный король» (1962) построено на соляной семантике, оно метафорически определяет гранат как «гигантское в руках веретено, что солнечную нить в себя вкрутило» [12]. Гранат обладает особой формой: «на нем зубчатая корона», но образ «Ты прикатился к нам из жарких стран» говорит о его круглой форме. Разрезание его расценивается поэтом как сладкое насилие над гранатом: и жаль «распахивать его лоно», но и невозможно удержаться от соблазна. Он обладает магией притягательного совершенства формы: «Теперь никак не оторвать мне глаз».

Ф. Искандер связывает гранат с восточной сказкой, чтобы подчеркнуть его принадлежность к своей любимой родине – Абхазии: «Полураскрытая передо мной пещера, где каждый мне принадлежит алмаз», «Но ты заступник мой, и ты ведешь, светящуюся лампой Аладдина». Гранат в стихотворении Ф. Искандера является духовным авторитетом, проводником правды: «Скажи, гранат, где истина, где ложь?», что основано на страстном переживании автором жизни, обладании мощной физической силой и духовной энергетикой.

Таким образом, Ф. Искандер соединяет в своем образе восходящую к мифологии семантику граната как солнечного, притягательного и соблазнительного плода.

Заключение. Прделанный нами анализ позволяет сделать вывод, что в русской поэзии XX века образ граната приобретает разнообразные интерпретации. В начале века поэты связывают гранат с любовным искушением и страстью. В творчестве А.А. Ахматовой этот образ приобрел уникальное значение, выступив в роли символа бессмертия, поэтического творчества, судьбы поэта. Такое восприятие настолько самобытно и многогранно, что и сама Ахматова впоследствии стала ассоциироваться с гранатовым кустом. Восточную семантику образа использует Фазиль Искандер. Он не только описывает «портрет гранатового плода», но и делает его носителем духовных ценностей, реализуя заложенную в образе силу и страсть к жизни.

1. Шарафадина, К. И. «Селам, откройся!» Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. – СПб. : Нестор-История, 2018. – 544 с.

2. Полилова, В. С. Поэтика гвоздики: слово и образ в русской поэзии от Тредиаковского до Бродского (в контекст европейской традиции). // Имагология и компаративистика. – 2022. – № 17. – С. 7–36.; № 18. – С. 7–33; № 19. – С. 7–25.

3. Разумовская, А. Г. В ботаническом саду русской поэзии: Ирис // Русская речь. – 2010. – № 4. – с. 16–19.

4. Разумовская, А. Г. В ботаническом саду русской поэзии: Георгин-георгина // Русская речь. – 2010. – № 5. – с. 27–30.

5. Разумовская, А. Г. «Символ тайный иных миров»: Поэтический «букет» русских модернистов. – Вестник СПГУТД. – Серия 2. – 2023. – С. 85–90.

6. Шафранская, Э. Ф. «Мир – это гранат»: межкультурная символика райского плода / Э. Ф. Шафранская, Г. Т. Гарипова, Ш. Р. Кешфидинов // Журнал Фронтальных Исследований. – 2024. – №2. – С. 188–204.

7. Этимологический словарь русского языка. Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Издание второе, стереот. – Том I. – Москва: «Прогресс», 1986. – 452 с.

8. Лохвицкая, М. Твои уста – два лепестка граната // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/36215/tvoi-usta-dva-lepestka-granata> (дата обращения: 12.02.2025).

9. Северянин, И. Это было у моря // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/29395/eto-bylo-u-morya> (дата обращения: 12.02.2025).

10. Ахматова, А. А. Бег времени. – Л. : «Советский писатель», 1965. – 472 с.

11. Дышаленкова, Р. Гранатовый куст Ахматовой // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/42436/granatovyi-kust-akhmatovoi> (дата обращения: 25.11.2025).

12. Искандер Ф. Гранат – некоронованный король // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://rustih.ru/fazil-iskander-granat/> (дата обращения: 15.01.2026).

ЭВОЛЮЦИЯ И ФУНКЦИИ ЯПОНСКОГО СЕТТИНГА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА

Хоменко И.Е.,

*студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Гладкова А.А., канд. филол. наук, доцент*

Ключевые слова: русская литература XXI века, японский сеттинг, азиатский сеттинг, массовая литература, рецепция, ориентализм.

Актуальность исследования связана с качественно новым явлением в современном русскоязычном литературном процессе – активным использованием азиатского и, в частности, японского сеттинга как ключевого смыслообразующего компонента художественного мира (нарратива). Этот феномен может быть осмыслен в контексте «третьей большой волны» распространения японской культуры на Западе, которая «принесла и показала нам новую Японию, отодвинув в прошлое растиражированное представление о нее как о стране цветущей сакуры, экзотических гейш и воинственных самураев, добавив в него современный контент – своеобразную матрицу всей японской поп-культуры: комиксы манга, а также самую успешную в мире анимацию» [1, с. 17]. Одновременно данное явление развивается в русле общих закономерностей массовой литературы, для которой характерны «жесткие жанрово-тематические каноны» и ориентация на «жанровое ожидание» читателя. Если в классической традиции образ Японии был частью философско-эстетических поисков или экзотического ориентализма, то в XXI веке он становится продуктом глобализированного культурного потребления и интенсивного диалога с современными медийными индустриями Японии и частью «серийности» издательских проектов [2, с. 4].

Цель работы – сформулировать рабочие определения ключевых терминов и выявить основные типы и нарративные функции японского сеттинга